

Р Ъ Ч Ъ

въ день поминовенія въ Бозѣ почившаго Святителя Иннокентія, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго *).

(Труды архіепископа Иннокентія на пользу православной Болгаріи).

И изыде въсть о Немъ по всей странѣ.

И исхождаше гласъ о Немъ во всяко мѣсто страны (Лук. IV, 14, 37).

Нынѣ,—по случаю исполнившагося столѣтія со дня рожденія въ Бозѣ почивающаго Святителя Херсонскаго и Таврическаго Иннокентія,—во многихъ мѣстахъ Россіи и въ единовѣрной съ Россією Болгаріи совершается молитвенное поминовеніе его памяти. Приступаемъ и мы къ этому поминовенію въ настоящей день памяти Святыхъ Священномучениковъ—Елевферія Херсонскаго и Стефана Сурожскаго не безъ тайной благоговѣйной мысли, что соединеніе поминовенія нашего отечественнаго Святителя съ прославленіемъ памяти Богопрославленныхъ просвѣтителей древней Тавриды усилить нашу грѣшную о немъ молитву ихъ многомогущимъ предстательствомъ и будетъ воздаяніемъ наиболѣе достойнымъ его досточестной памяти.

Да! *Память великихъ людей идетъ въ родъ и родъ и передается съ похвалами.* Хвалить-же Святителя Иннокентія и справедливо и благопотребно. Многие и говорили и писали о немъ многое. Но и мы принесемъ ему нашу дань благоговѣнія. И онъ, какъ христіанинъ, не откажетъ намъ въ этомъ намѣреніи, даже изъ самаго гроба своего.

Въ исторіи неба есть рѣдкіе, точно описанные и многимъ хорошо извѣстные случаи появленія необыкновенныхъ свѣтилъ, оставляющихъ по себѣ память на цѣлыя столѣтія. Эти свѣтила называются кометами. Явилось такое свѣтило; ослѣпило, поразило умы людей и исчезло за горизонтомъ. На небѣ остался яркій слѣдъ; у людей живое воспоминаніе. Нѣчто подобное есть

*) Произнесена предъ панихидою въ церкви Одесской Духовной Семинаріи, 15-го декабря 1900 г.

и въ исторіи человѣчества. Геній приноситъ и всегда оставляетъ послѣ себя яркій свѣтъ, въ какой-бы средѣ этотъ свѣтъ ни отражался: въ исторіи-ли мысли, или въ искусствѣ, или въ сферѣ чувства—вѣры. Именно такое геніальное свѣтило представляетъ собою Святитель Иннокентій. При жизни онъ удивлялъ, ослѣплялъ; вызывалъ восторгъ современниковъ. Въ немъ соединились всѣ лучшіе дары Неба: высокій свѣтлый пронизательный умъ, богатое воображеніе, живая и обширѣйшая память, тонкій вкусъ, даръ творчества, оригинальное увлекательное краснорѣчіе. Къ этимъ свойствамъ архіепископа Иннокентія, какъ геніальнаго лица, надо присоединить его всестороннюю ученость, богатство познаній въ самыхъ разнородныхъ отрасляхъ наукъ, умѣнье открывать таланты въ другихъ, возбуждать ихъ, поощрять. Жизнь вокругъ него разливалась и кипѣла; и не такая жизнь, какою мы живемъ, а какой-то водоворотъ: къ нему приливали и отливали волны людей. Во всѣхъ онъ вселялъ и убѣжденія и энтузіазмъ дѣятельности»^{*)}. Мало сказать: Святитель Иннокентій былъ архипастырѣ, богословѣ, ораторѣ; онъ былъ великій гражданинъ своего времени, — государственный мужъ, который постоянно мыслилъ о судьбахъ царствъ и народовъ. Въ свое время онъ одинъ былъ вдохновеннымъ защитникомъ угнетенныхъ христіанъ Востока, пророкомъ ихъ свободы, которая тогда едва-едва мерцала. По смерти, Иннокентій Херсоно-Таврической представляетъ такое всестороннее и всеобъемлющее явленіе, что мы можемъ смотрѣть на этотъ колоссъ пятидесятихъ годовъ истекающаго вѣка и говорить о немъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, но все-таки останемся безъ надежды воспроизвести и запечатлѣть въ своемъ сознаніи всѣ его черты. Правда, ни время, ни рамки церковнаго слова не позволяютъ намъ говорить здѣсь объ архипастырѣ Иннокентіи пространно. Но значеніе его для сопрікосновенныхъ съ югомъ Россіи при-дунайскихъ славянскихъ странъ и національностей, какъ

^{*)} М. Поповъ. Архіепископъ Иннокентій Херсонскій. Историч. Вѣстникъ. 1894 г. IV, стр. 225.

пророка и борца за ихъ свободу, — вотъ та крупнѣйшая черта, которую намъ надлежитъ освѣтить и возстановить въ памяти.

По самому складу духовной организаціи Архіепископа Иннокентія уже очевидно, что его общественная дѣятельность не могла ограничиться предѣлами только Россіи. Чувствительный нервный узелъ въ живомъ тѣлѣ русскаго народа, онъ живо чувствовалъ всѣ движенія общенародной русской жизни. А съ другой стороны ему было понятно и цѣнно многое такое, что обнимало жизнь не только русскую, но и родную намъ славянскую, въ ихъ взаимной единокровной и единовѣрной цѣлости, жизнь не только въ настоящемъ, но и въ прошедшемъ и въ будущемъ. По духу, по внутреннему своему складу онъ долженъ былъ такимъ образомъ стать ратоборцемъ за угнетенныхъ славянъ востока, за ихъ вѣру и свободу*). Ратоборцемъ за нихъ въ жизни онъ и былъ. По словамъ близко знавшихъ (Погодинъ), архипастыръ «пылалъ къ славянамъ любовью, принималъ живое участіе въ ихъ тяжелой долѣ», звалъ ихъ къ національному подъему, а русское современное общество ко всечелюской поддержкѣ такого возрожденія. «Онъ былъ до мозга костей пронивнутъ симпатіями къ славянству; слѣдилъ за всеми сколько нибудь выдающимися явленіями въ гражданской и умственной жизни нашихъ западныхъ и южныхъ соплеменниковъ**). Въ предвѣдѣніи и крѣпкой надеждѣ онъ провидѣлъ и зарю новыхъ судебъ славянскаго міра. «Болгары балканскіе, румелійскіе, солунскіе переносятъ всѣ притѣсненія турокъ и грековъ безответно и терпѣливо, — прочное избавленіе ихъ близко***). «Желаніе наше исполнилось», — писалъ преосвященный Иннокентій въ мартѣ 1854 года. «Слава Богу, мы за Дунаемъ. Отсельъ начало возрожденія Болгаріи...». «Христось

*) Кочубинскій. Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія. Одесса. 1887—1888, стр. 211.

**) Н. И. Барсовъ. Рѣчь 17-го ноября 1883 г. въ собраніи С.-Петербургскаго благотворительнаго общества.

***) Рукописное сочиненіе изъ архива Преосвященнаго Иннокентія — „Ключъ къ восточному вопросу“.

воскресе, — пишетъ онъ-же (Н. Х. Палаузову) три недѣли спустя, — да воскреснетъ и Болгарія наша».

Архіепископъ Инногентій выступилъ въ исторической жизни Болгаріи, какъ энергичный дѣятель, какъ горячій защитникъ поправныхъ правъ славянъ, ихъ свободы и вѣры, въ тяжкій критическій моментъ. Это были пятидесятые годы. Тогда порывъ болгаръ къ возрожденію пріобрѣлъ такую силу, что задержать его не было возможно. Школы возникали повсюду. Болгарскія книги въ тысячахъ экземпляровъ расходились между сельскимъ населеніемъ. Духовенство, школьные преподаватели, кушцы-патріоты, эмигранты — всё были солидарны въ томъ, что возстановленіе правъ райи и возрожденіе древней національной церкви, — вотъ тѣ главнѣйшія задачи, къ осуществленію которыхъ слѣдовало стремиться. Однако, наряду съ этимъ сознавалось, что безъ мощной поддержки Россіи подъемъ національнаго духа останется бесплоднымъ. Патріотовъ явилось множество, — а лица, облеченнаго властью, которое стало-бы главою движенія, душою дѣла не находилось. Неудачная борьба разрозненными силами открыла, что для успѣха необходимо начертать программу дѣятельности и выполнять ее правильно-организованнымъ обществомъ, притомъ утвержденнымъ со стороны Русскаго правительства. Въ такой переходный моментъ борьбы болгаръ за церковно-политическую самостоятельность и выступилъ Архіепископъ Инногентій. Выступилъ рѣшительно и энергично, какъ выступалъ онъ впрочемъ вездѣ и всегда. Знакомство съ болгарскими-эмигрантами, жившими въ Одессѣ, особенно съ покойнымъ Н. Х. Палаузовымъ стало къ тому достаточно сильнымъ мотивомъ. Свѣтлый умъ Архипастыря провидѣлъ, что прежде всего слѣдуетъ создать почву для правильнаго веденія дѣла, — ознакомить правительственныя сферы Россіи съ Болгаріей, съ ея положеніемъ и стремленіями. И вотъ подъ его непосредственнымъ руководствомъ, — пользуясь его идеями и совѣтами, главный болгарскій дѣятель въ Одессѣ, Н. Х. Палаузовъ составляетъ рядъ докладныхъ записокъ. Эти записки

выясняютъ тяжкое положеніе болгаръ подъ тройнымъ игомъ— турецкихъ насилій, неправильной податной системы и злоупотребленій грековъ — фанаріотовъ. «Великъ былъ вѣсь мѣнній Преосвященнаго Иннокентія въ Петербургѣ». Записки Палаузова представлены были выдающимся государственнымъ людямъ Россіи того времени; ихъ читалъ Государь Императоръ Николай I; онѣ произвели даже вліяніе на мѣропріятія русскаго правительства какъ при началѣ крымской войны, такъ и во все продолженіе ея. Ознакомивъ чрезъ болгарина-патріота правительство съ потребностями Болгаріи и «возбудивъ въ обществѣ заботливую симпатію къ соплеменникамъ», Архіепископъ Иннокентій повелъ «дѣйствованіе» на пользу восточныхъ славянъ отъ собственнаго лица. Ближайшимъ средствомъ къ такому «дѣйствованію» явилась обширная переписка, которую онъ велъ. Въ писъмахъ разнымъ вліятельнымъ особамъ Преосвященный начинаетъ горячо доказывать необходимость помощи болгарамъ со стороны Россіи, ходатайствуетъ за ихъ дѣятелей, рекомендуетъ полезныхъ людей, направляетъ ходъ дѣлъ церковныхъ и политическихъ въ духѣ религіознаго единенія между греками и славянами, въ духѣ братской любви между русскими и славянами. Его участіе въ судьбахъ Болгаріи выразилось и въ крупныхъ денежныхъ пожертвованіяхъ, сдѣланныхъ имъ лично, и въ снабженіи болгарскихъ церквей и школъ всевозможными пособіями. Для достиженія послѣдней цѣли Архипастыръ сносился съ книготорговцами, издателями, публичными библіотеками, академіями, университетами, испрашивая отовсюду учебники и книги. Съ этой цѣлью онъ дѣлалъ представленія Россійскому Синоду; обращался къ частной и общественной благотворительности. «Вещей церковныхъ»,— писалъ онъ въ 1854 г.,— «я набралъ множество; скоро пришлемъ въ Болгарію цѣлые возы ихъ...» «Вмѣсто поученія я предложилъ слушателямъ просьбу Болгарской церкви о высылкѣ для храмовъ 20-ти колоколовъ и къ вечеру всѣ колокола уже готовы...» «Немедля закажите сколько нужно крестовъ на церкви и ставьте ихъ скорѣй, чтобы къ Пасхѣ

(1854 г.) вездѣ были кресты на церквахъ; деньги на это будутъ высланы».

Въ февралѣ 1854 г. получило начало «Болгарское настоятельство въ Одессѣ». Несомнѣнно, что мысль объ учрежденіи «Настоятельства» впервые высказалъ Преосвященный Иннокентій. Это не скрывали и сами учредители—одесскіе болгары. Тѣмъ, что русское правительство отнеслось къ учрежденію «Настоятельства» благосклонно и скоро его утвердило,—болгары обязаны были также Преосвященному Иннокентію. Онъ-же своевременно подалъ дѣятелямъ болгарскаго движенія совѣтъ объ участіи славянъ въ крымской войнѣ. Онъ побудилъ одесскихъ эмигрантовъ завязать обширныя сношенія съ соотечественниками какъ за Дунаемъ, такъ и въ румынскихъ княжествахъ. Наконецъ, онъ привѣтствовалъ рѣшамъ болгарское ополченіе, возвращавшееся на берега Дуная... Такимъ образомъ, почетное званіе «Попечитель Настоятельства», принятое Архіепископомъ Иннокентіемъ въ 1856 г., со стороны болгаръ являлось лишь официальнымъ признаніемъ факта, что знаменитый Херсоно-Таврическій архіепископъ «всегда былъ душою Настоятельства и начинателемъ всѣхъ его дѣйствій».

Принявъ на себя руководство «Болгарскимъ обществомъ для религіозно-нравственнаго воспитанія славянскаго юношества», Преосвященный Иннокентій велъ это дѣло съ полною любовью до самой своей могилы.

Предстояло доставить болгарскому «Настоятельству» широту и самостоятельность въ дѣйствіяхъ.—Преосвященный Иннокентій эту цѣль осуществилъ. По уставу попечитель «Настоятельства» долженъ былъ заботиться объ увеличеніи членовъ общества, изыскать средства для печатанія книгъ, для образованія болгаръ и т. д.—Архіепископъ Иннокентій, еще прежде чѣмъ русское правительство утвердило уставъ болгарскаго общества, сталъ производить усиленный сборъ и отсылку въ Болгарію церковныхъ вещей, облачений и книгъ... Подъ конецъ 1856 года въ Болгаріи вспыхнула борьба между національнымъ духовенствомъ

и фанаріотами. Борьба эта выдвинула вопросъ о поддержкѣ существующихъ болгарскихъ храмовъ и объ устройствѣ новыхъ. Въ прямомъ и скорѣйшемъ рѣшеніи этого вопроса Преосвященный Иннокентій усматривалъ дѣло государственной важности. «Устроеніе русскихъ церквей по разнымъ иностраннымъ пунктамъ,—говорилъ онъ,—равняется устроенію малыхъ сторожевыхъ русскихъ пунктовъ и нѣкотораго рода укрѣпленныхъ мѣстъ. По этой причинѣ мнѣ представляется очень полезнымъ, если-бы мы учредили наши церкви и малыя подворья въ Болгаріи, въ Константинополѣ и Малой Азій, особенно на Черноморскомъ побережьи». Учредить многое,—устроить цѣлую линію такихъ «сторожевыхъ пунктовъ» конечно не пришлось. Но память и память значительная осталась. При участіи Архіепископа Иннокентія болгары устроили въ Константинополѣ церковь. Въ адрианопольскій болгарскій храмъ и въ новоустроенную близъ Мустафа-Паша церковь Преосвященный Иннокентій отправилъ два полныхъ круга церковныхъ книгъ и соответствующее количество облачений. Подобнымъ образомъ онъ удовлетворилъ просьбу о поддержкѣ настоятеля Корчевской славянской обители. Даже за недѣлю до кончины, Архiepастырь озабочивали болгарскія дѣла. Не разъ онъ приглашалъ къ себѣ членовъ «Настоятельства» и подолгу съ ними бесѣдовалъ; тревожился о судьбѣ церкви въ Галацахъ, о новоустроваемой придунайской пустыни священномученика Оерапонта; командировалъ въ Молдавію близкихъ къ себѣ лицъ съ цѣлью осмотрѣть, какъ «идеть устроеніе русскихъ сторожевыхъ мѣстъ на Черноморскомъ побережьи».

Трудно вообразить, насколько плодотворна и широка была бы дѣятельность Архіепископа Иннокентія для Болгаръ и восточныхъ славянъ, если-бы жизнь его продлилась на десять—двадцать лѣтъ. Въ современномъ ему обществѣ ходила молва, что Иннокентій намѣренъ съ херсонскимъ архіепископствомъ соединить болгарское патріаршество. Догадывались, что его драгоценная трость, посланная на память первому болгарскому

эвзарху Авѣиму, была символомъ подобныхъ намѣреній. Но это ходячая молва и догадка! Край завѣсы, навсегда скрывшей плащи Пресвященнаго Иннокентія въ данномъ направленіи приподнимаетъ небольшая собственноручная его замѣтка. Въ ней «для памяти» первый попечитель болгарскаго «Настоятельства» ставитъ главными задачами будущаго: составленіе исторіи болгарь; сочиненіе и печатаніе книгъ, необходимыхъ для болгарь; собраніе и изданіе историческихъ актовъ болгарскихъ; посылку русскихъ людей въ Болгарію для ея изученія. Нѣкоторыя изъ этихъ предначертаній лишь въ наше время стали осуществляться, а нѣкоторыя еще и теперь кажутся преждевременными. Во всякомъ случаѣ прочно стоитъ одно: труды Архіепископа Иннокентія на пользу славянскаго міра составляютъ краеугольный камень того церковно-политическаго строя православной Болгаріи, который она имѣетъ теперь.

Въ Бозѣ почивающій Архипастырѣ въ своихъ чаяніяхъ видѣлъ Болгарію страню свободною, а древнюю независимую церковь ея воскресшею.—28-го февраля 1870 г. султанъ повелѣлъ учредить самостоятельный болгарскій эвзархатъ. Независимая болгарская церковь воскресла. Восемь лѣтъ спустя предъ несокрушимою силою русскаго оружія пали вѣковыя оковы Болгаріи, какъ націи. Она вошла въ составъ европейскихъ государствъ.

Архіепископъ Иннокентій прилагалъ всѣ усилія къ развитію школьнаго обученія въ Болгаріи.—И это зерно принесло свой плодъ. Онъ вызвалъ въ Россію молодыхъ болгарь; далъ имъ средства къ образованію въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи. Въ Одессѣ напр. открыты были для образованія болгарь стипендіи при Духовной Семинаріи, устроенъ особый пансіонъ для нихъ съ особымъ воспитателемъ и даже съ особымъ улучшеннымъ столомъ. Впослѣдствіи эти воспитанники духовныхъ и свѣтскихъ учебныхъ заведеній Россіи, возвратившись на родину, сами стали распространять просвѣщеніе среди соотечественниковъ, устраивать школы и проч. Съ учреж-

денія національной церкви въ Болгаріи, школьное дѣло разрослось поразительно быстро. Число школъ превышаетъ теперь тысячи; число учащихся въ нихъ—десятки тысячъ. Не ограничиваясь родиною, болгаре учатся въ разнообразныхъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи, Франціи, Австріи, Америки, Чехіи. Особенно Россіи многіе изъ выдающихся мужей Болгаріи обязаны своимъ воспитаніемъ.

Преосвященный Иннокентій былъ первымъ попечителемъ перваго болгарскаго «Настоятельства».—И идея настоятельства оказалась плодоносною. Какъ отпрыски «Настоятельства», раскинулись по Болгаріи и внѣ ея многочисленные «общества», имѣющія цѣлю основывать и поддерживать школы, отправлять учащееся юношество за границу и т. п.

Да! Когда сопоставляешь настоящее Болгаріи съ ея полу-вѣковымъ прошлымъ, невольно приходитъ на мысль извѣстная притча Спасителя о зернѣ горчичномъ. Подобна была во дни Святителя Иннокентія Болгарія этому малому зерну; меньше многихъ сѣмянъ на великой нивѣ Господней была она; но вотъ прозябла; вотъ уже стала значительнѣе многихъ иныхъ злаговъ на этой нивѣ; придетъ время,—будетъ она и вѣтвистымъ деревомъ. Многіе потрудились надъ насажденіемъ этого зерна; многіе его поливали; но среди соработниковъ—славянъ крупною величиною выступаетъ и навсегда останется соработникъ русскій—Архіепископъ Иннокентій.

И православная Болгарія, чувствуя нынѣ столѣтіе со дня рожденія Святителя Иннокентія, этимъ самымъ чествованіемъ свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что приноситъ дань благодарности и признательности тому, кто сильною рукою поддержалъ ее въ трудныя минуты, вѣрно оцѣнилъ ея силы и далъ имъ исторически прочное направленіе. Чтѣ-бы ни говорили, какъ-бы ни освѣщали взаимныя отношенія Болгаріи и Россіи, это чествованіе—событіе исторической важности. Сливаясь въ молитвѣ за Архипастыря Иннокентія съ Россією, православная Болгарія тѣмъ самымъ объявляетъ всему свѣту, что и нынѣ, какъ пол-

вѣка назадъ, православная вѣра и народность для болгаръ выше всего; что въ умѣ болгарина Россія занимаетъ мѣсто не только благосклонно-дружественной державы, но и мѣсто державы по вѣрѣ и крови родственной.

Пусть-же рѣдкое и знаменательное торжество настоящаго дня вразумить и озарить своимъ кроткимъ свѣтомъ русскихъ, багъ и всѣхъ славянъ православныхъ и даже неправославныхъ. Пусть оно внушитъ послѣднимъ, что Россія «твердо помнить, отъ кого она пріяла нѣкогда на родномъ языкѣ слово Божіе и не забываетъ своего древняго союза со страню болгарскою» *). И въ богослуженіи и въ воспитаніи народнаго сознанія Русь по прежнему крѣпко держится церковно-славянской грамоты, усматриваетъ въ этой грамотѣ начало пробужденія историческаго самосознанія славянъ, основу и утвержденіе родной своей рѣчи.

Запечатлѣмъ-же союзъ съ единокровными и единовѣрными братьями юга въ день столѣтняго поминовенія того іерарха, который заключилъ этотъ союзъ во дни своей приснопамятной жизни. Помолимся за него всѣ *едиными усты и единымъ сердцемъ*. И повѣримъ, что знаменитаго Иннокентія Таврическаго не чрезъ сто лѣтъ послѣ насъ, а чрезъ тысячу, по христіански помянуть вся великая и славная Россія, вся мощная семья славянскихъ народовъ, сплоченная единствомъ духа, вѣры, языка, историческихъ воспоминаній,—помянуть отъ Валдая до Балканъ, отъ Вологды и Орла до Софіи и Тырнова.

Священникъ Сергій Петровскій.

*) Архіепископъ Иннокентій. Сочиненія т. III, стр. 264. Рѣчь къ болгарскому ополченію.